

А.В. Корнеев (Москва, Россия)

Судьба Дубельтов – дочери, зятя и внука А.С. Пушкина¹

Аннотация: В статье представлен фактический материал, освещающий обстоятельства заключения дочерью А.С. Пушкина, Нат.А. Дубельт, второго брака – с принцем Николасом-Вильгельмом Нассауским при отсутствии развода с первым мужем, М.Л. Дубельтом, а также основные вехи биографии Леонтия Дубельта, сына Нат.А. и М.Л. Дубельт.

Ключевые слова: Нат.А. Дубельт, М.Л. Дубельт, обстоятельства развода, Николас-Вильгельм Нассауский, Л.М. Дубельт

A.V. Korneev (Moscow, Russia)

The Fate of Dubelt Family – Daughter, Son-in-law and Grandson of Alexander Pushkin

Abstract: The article presents factual material covering the circumstances of Alexander Pushkin daughter's devorce, Natalia Dubelt, and her second marriage – with Prince Nikolaus Wilhelm von Nassau in the absence of the official divorce from her first husband Mikhail Dubelt as well as the main milestones of the biography of Leonty Dubelt the son of Nat. and M.L. Dubelt.

Key words: Natalia Dubelt, Mikhail Dubelt, circumstances of the divorce, Prince Nikolaus Wilhelm von Nassau, Leonty Dubelt

5 декабря 1867 г. беллетрист Б.М. Маркевич, близкий к императорскому двору, писал из Петербурга редактору «Московских ведомостей» М.Н. Каткову: «На днях одна дама из светского общества, дружная с Нат.Ал. Дубельт (дочь Пушкина), получила от нее телеграмму, в которой значилось следующее: все мои желания исполнены, я замужем, и подписано: Nathalie, princeße de Nassau². Оказывается, что она, не разведясь с мужем, вышла замуж за принца Нассауского, брата экс-владетельного герцога, для чего она перешла в лютеранизм»³.

Хотя Наталия Александровна, обвенчавшись 1 июля 1887 г. с принцем Николасом-Вильгельмом Нассауским, вступила в морганатический брак и не имела

¹ Предыдущие публикации, посвященные семейству Дубельт, см.: Stephanos. 2020. № 3(41); № 4(42).

² Выражаю глубочайшую признательность Н.Т. Пахсарьян за неоднократную помощь в подготовке мнгой иностранных текстов к публикации.

³ ОР РГБ. Ф. 120. К. 7. Ед. хр. 31. Л. 106 и об.

права носить фамилию особы королевской крови, она подписала «принцесса де Нассау» послание, отправленное в Петербург, и об этом стало известно не только в аристократическом обществе, но и в высочайших сферах, в частности императрице, о чем упоминает далее в своем письме Б.М. Маркевич.

Став супругой принца Нассауского, Наталия Александровна сделалась двоемужницей, поскольку не развелась с Дубельтом и юридически оставалась его женой. Хотя двоебрачие осуждалось законами Российской империи, ее не преследовали за это. Напротив, в скором времени будет осужден Дубельт – за измену жене, которая почти год была замужем за другим!

Российские власти, вплоть до высших, создавали видимость, что о двоемужестве дочери Пушкина им не известно. Наталия Александровна также делала вид, что по-прежнему замужем за Дубельтом. Однако она решительно не соглашалась примириться с ним и восстановить семью. Об этом свидетельствовало ее письмо, написанное в январе 1868 г. в Париже убеждавшему ее священнику (здесь и далее орфография и пунктуация оригинала сохранены):

Почтенный Отец Дмитрий!

Во время двукратного разговора моего с Вами я подробно объяснила Вам, почему я не могу согласиться с Вашими убеждениями. Вы, конечно, допускаете, что я не (1 нрзб.) и если я решилась на развод мой с мужем, то после долгого и зрелого рассуждения. В одном я нахожу необходимым – и справедливым сделать Вам уступку, именно: что я не должна иметь вражды против мужа, что я должна в душе моей помириться с ним и простить ему по Христиански.

Мне кажется, что я слишком много и с полной откровенностью высказалась Вам при наших личных беседах. Но так как Вы непременно требуете от меня письменного отзыва (?) по этому делу, то я, не находя нужным повторять подробно высказанное мною, скажу Вам коротко мое решительное и последнее слово: как Христианка я прощаю моего мужа и не имею в сердце моем никакого враждебного чувства против него, но прекратить мой иск о разводе с ним не желаю и не могу, находя наш развод с ним полезным (?) и необходимым для счастья детей моих и для моего собственного успокоения и здоровья.

Несмотря на некоторое несогласие наше во мнениях, я тем не менее остаюсь к Вам с полным почтением как духовному Отцу моему.

Испрашивая Вашего благословения и молитв,
имею честь быть готова к услугам Вашим
Жена отставного генерал-майора
Наталя Александровна Дубельт,
рожденная Пушкина.

Париж
1868 года
20 Генв.
1 февр.

ЦГИА СПб. Ф. 19. (Петроградская духовная консистория). Оп. 54. Д. 60. Л. 542 и об.

Подобные письма были написаны Наталией Александровной и во время первого бракоразводного процесса.

В статье М.В. Сидоровой «Пушкины и Дубельты» говорится: «Внимательно читая бракоразводное дело, приходишь к выводу, что Михаила [Дубельта] очень настойчиво подталкивали взять всю вину на себя, публично признаться перед Синодом в неверности жене и получить за это неплохие деньги и прощение долга. Четыре года длилась эта история, наконец в 1868 г. Михаил согласился»¹.

¹ Сидорова М.В. Пушкины и Дубельты // Хозяева и гости усадьбы Вяземы. Большие Вяземы, 1998. С. 225.

Не имея возможности лично ознакомиться с этим делом, невозможно убедиться в справедливости утверждения исследовательницы. Можно было бы предположить, что она права, однако факты свидетельствуют о другом. Еще за два года до расторжения брака, в сентябре 1866 г., большое имение Дубельта было продано за долги. А два года спустя после решения Синода о разводе, в марте 1870 г., Михаил Леонтьевич по-прежнему пребывал в бедственном положении, о чем писал тогда же Александру П.

Как говорилось в уставе Консистории, главнейшим основанием для развода могла быть только измена одного из супругов, зафиксированная свидетелями. Осуждая подобное правило, прослуживший более четверти столетия в Святейшем синоде и ставший его обер-секретарем С.П. Григоровский позднее справедливо напишет: «Мыслимо ли допустить действительное существование свидетелей-очевидцев при любоддеянии какого-либо супруга. Разве подобный акт поддается наблюдению, разве он совершается открыто, на глазах у других?»¹ Однако подобное произошло, поскольку было явно инсценировано.

Долгожданная возможность, которая позволила бы дочери Пушкина развестись с первым мужем, наконец представилась.

Как сообщал в Консистирию поверенный Наталии Александровны В.Н. Чичагов, «по возвращении его, Дубельт[а] из-за границы, именно 20 декабря 1867 года, в гостинице “Италия” в 7 часов вечера в отдельном номере застали его во время действия – прелюбоддеяния двое свидетелей из дворян: Петр Михайлов и Константин Гисберт, о чем ему, доверенному Чичагову, передал приятель его, дворянин Юлиан Граббе, придя к нему вечером того же дня, и по поводу чего доверительницею его, давно ждавшю случая к расторжению брака, и начато сие дело»².

Вновь Михаил Леонтьевич обвинялся в прелюбоддеянии, свидетелями которого на сей раз якобы были дворяне П.Г. Михайлов и К.Э. Гисберт.

Обратимся к «Вопросным пунктам, составленным в С.-Петербургской Духовной Консистории, для спроса дворянина Петра Михайлова по бракоразводному делу супругов Дубельт. Марта 11 дня 1868 года». Вот как излагает Михайлов обстоятельства проступка Дубельта в подробных показаниях, данных им в Консистории.

20 декабря 1867 года в седьмом часу вечера я с Гисбертом гулял по Пассажу. Во время прогулки я заметил Михаила Леонтьевича Дубельта, разговаривающего с какою-то хорошенькою женщиною, одетою в черное шелковое платье, коричневый драповый бурнус, черную шляпку и такой же вуаль. Зная, что г. Дубельт проживал уже несколько лет за границею, я желал убедиться, не ошибся ли в сходстве и потому начал следить за ним незаметным образом. Несколько раз г. Дубельт прошелся с дамою по Пассажу, которого я уже совершенно признал и потом вышел на Невский проспект и пошел по направлению к Аничкову мосту. Я сообщил Гисберту желание мое узнать адрес г. Дубельта, и потому пригласил его идти вместе. Г. Дубельт с Невского проспекта повернул в Караванную улицу и вошел в подъезд гостиницы Италия. Я с Гисбертом вошел туда же вслед за Дубельтом, но так как г. Дубельт ни меня, ни Гисберта вовсе не знал, потому не мог подозревать, что за ним наблюдают. Г. Дубельт в отдельный номер вошел вместе с тою же самою женщиною, мы в следующий свободный номер. Заказав бивштекс, мы закурили папиросы, но так как приготовление бивштекса предполагалось довольно долго, то мы пошли в буфетную закусить, на возвратном пути по ошибке зашли не в свой номер, а занимаемый г. Дубельтом. Сделав два-три шага, мы заметили свою ошибку и хотели скорее выйти из номера, как перед самым выходом мы услышали какой-то шелест и скрип как бы кровати за занавескою. Отдернув занавеску, мы были совершенно сконфужены [...] сказав извините, мы быстро вышли

¹ Григоровский С.П. Сборник церковных и гражданских законов о браке и разводе. СПб., 1909. С. 124.

² ЦГИА СПб. Ф. 19. (Петроградская духовная консистория). Оп. 54. Д. 60. Л. 550.

из двери и вошли в свой номер. Вскоре принесли бифштекс, закусив на скорую руку вопреки нашего намерения и рассчитавшись с человеком, мы спешили выйти из гостиницы во избежание неприятностей. Перейдя на другую сторону Караванной и вышли на Невский проспект, мы встретились с товарищем нашим г. Граббе и пошли с ним к Литейному, которому впрочем и рассказали о происшествии. На следующий день в 9 часов утра Граббе пришел с Гисбертом ко мне и сказал, что после того, как расстался с нами, он отправился к знакомому г. Чичагову и между разговором рассказал как анекдот историю с г. Дубельтом, ничего не подозревая, что история эта особенно интересует г. Чичагова. Г. Чичагов, не сказав причины, просил Граббе убедительно и взял честное слово с него привести нас. После долгих убеждений мы согласились ехать [к] г. Чичагову и были у него около 11 часов 21 декабря 1867 года. При личном свидании мы подтвердили историю г. Дубельта в гостинице Италия. Тогда г. Чичагов объявил нам откровенно, что он поверенный г-жи Дубельт и что знает хорошо Дубельта и жену его, и что так как они уже не живут вместе, и что он воспользуется настоящим случаем, чтобы развести их. Мы спрашивали его, чтобы он не выводил из того какой-нибудь истории и даже угрожали отказом в свидетельстве, то он сказал, что нас спросят под присягою. Совершенно растерянные мы вскоре ушли от г. Чичагова. В показании по этому делу меня никто не уговаривал и все изложенное показываю по чистой совести и по долгу принятой мною присяги.

ЦГИА СПб. Ф. 19. (Петроградская духовная консистория). Оп. 54. Д. 60. Л. 565–566.

Из рассказанного Михайловым следует, что два дворянина взяли на себя роль добровольных сыщиков, вовсе их не украшавшую.

Итак, Михаил Леонтьевич был уличен в прелюбодеянии в зимний вечер 20 декабря 1867 г. Через три дня в далеком от Петербурга Париже Наталия Александровна подписала составленное по всей форме прошение на высочайшее имя о разводе с первым мужем, подписываясь прежней фамилией Дубельт.

Всепресветлейший, Державнейший Великий
Государь Император Александр Николаевич
Самодержец Всероссийский, Государь Всемиловитивейший
Просит жена отставного генерал-майора
Михаила Леонтьева Дубельта
Наталия Александровна, урожденная Пушкина,
о нижеследующем

1

При вступлении в брак в феврале месяце 1853 года с Михаилом Леонтьевичем Дубельтом мы клялись пред Алтарем в любви и верности друг другу, но клятва эта была им нарушена.

2

Вообще обращение его со мною было скорей предосудительным, а теперь же мною получено положительное сведение, что он в декабре месяце текущего года в бытность свою в С. Петербурге явно нарушил святость брака прелюбодеянием с неизвестною женщиною, что будет доказано на судеговорении очевидными свидетелями.

3

Подобный поступок моего мужа лишает всякой возможности продолжать с ним супружество, а потому объясняя что: а) муж мой, вероисповедания Православного, жительство имеет в С. Петербурге в Знаменской гостинице, а я по болезни проживаю за границею в Париже и б), я не в состоянии явиться сама для судеговорения и уполномачиваю вместо себя коллежского асессора Виктора Никифоровича Чичагова, который и предоставит надлежащую доверенность и медицинское свидетельство с квитанциею губернского казначейства в получении исковых пошлин по сему делу, Всепоподданнейше прошу

Дабы повелено было сие мое прошение принять и дать ему законный ход, брак мой с мужем моим расторгнуть.

Декабря 24 дня 1867 года / января 4 1868

К поданию надлежит в С. Петербургскую Православную Духовную Консисторию
Прощение сие сочинял и переписывал коллежский ассессор Виктор Никифоров Чичагов.
Генерал-майорша Наталья Александровна Дубельт руку приложила.
Жительство имею в городе Париже во Франции

ЦГИА СПб. Ф. 19. (Петроградская духовная консистория). Оп. 54. Д. 60. Л. 550 и об.

В ответ на вопрос духовной консистории о факте нарушения Дубельтом супружеской верности Михаил Леонтьевич 7 февраля 1868 г. резонно ответил: «Живя уже несколько лет врознь с женою и не достигнув еще преклонного возраста, он полагает подобный поступок хотя далеко не законным, но возможным»¹.

18 мая 1868 г. Святейший синод признал расторжение брака «с предоставлением г-же Дубельт вступить в новый брак с беспрепятственным лицом и с осуждением генерал-майора Дубельта на всегдашнее безбрачие за нарушение им таинства брака прелюбодеянием».

Решение о бракоразводном процессе

1868 года, мая 4 дня в Присутствии Второй Экспедиции
С. Петербургской Духовной Консистории

Слушали

Указ Святейшего Правительствующего Синода от 18 мая сего года за № 1671, в коем утверждено решение С. Петербургского Епархиального Начальства о расторжении брака супругов Дубельт. По справке оказалось: С. Петербургская Духовная Консистория, рассмотрев дело, начавшееся 2 января текущего года с прошения жены Генерал-Майора Натальи Александровны Дубельт, урожденной Пушкиной, о расторжении брака ее с мужем Михаилом Леонтьевым Дубельт, по причине нарушения им супружеской верности – решительным определением 24 апреля сего же года утвержденным ЕГО ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕНСТВОМ, заключила: 1) Брак жены отставного Генерал-Майора Натальи Дубельт, урожденной Пушкиной, с мужем ее Михаилом Леонтьевым Дубельт, совершенный 18 февраля 1853 года причтом Л. Гв. Конного полка, по причине совершенно доказанного прелюбодеяния Михаила Дубельт, расторгнуть, воспретив ему навсегда вступление в новый брак, и, сверх того, предать его семилетней церковной эпитимии, под надзором духовного его отца. 2) Истице Наталье Александровне Дубельт, урожденной Пушкиной, дозволить, если пожелает, вступить в новое супружество, с другим беспрепятственным лицом [...].

ЦГИА СПб. Ф. 19. (Петроградская духовная консистория). Оп. 54. Д. 60. Л. 527 и об.

В Российском государственном историческом архиве хранится дело «О браке бывшей в замужестве за генерал-майором Дубельтом Натальи Пушкиной с герцогом Николаем Нассауским без обязательств крестить детей в православии» (РГИА. Ф. 797. Оп. 38. Д. 123, II отд.).

9/21 июля 1868 г. Наталия Александровна писала обер-прокурору Святейшего синода графу Д.А. Толстому из Женевы:

Милостивый государь граф Дмитрий Андреевич.

Получив из Св. Синода развод с бывшим мужем моим отставным генерал-майором Михаилом Леонтьевичем Дубельтом, с правом для меня вступить в новый брак и желая воспользоваться сим правом, вступив в брак с Его Высочеством Принцем Николаем Нассауским,

¹ ЦГИА СПб. Ф. 19. (Петроградская духовная консистория). Оп. 54. Д. 60. Л. 591.

я покорно прошу Ваше сиятельство исходатайствование разрешения к вступлению в сей брак без обязательства для меня и моего будущего мужа крестить и воспитывать детей, имеющих родиться от сего брака, в Православной вере и это в виду неотразимых (?) требований Герцогской фамилии Нассаусских Принцев. Прося ваше сиятельство исходатайствовать мне позволения в возможно скором времени, я в то же время прошу Вас выслать оное немедленно в Женеву на имя отца протоиерея здешней православной церкви Петрова.

Примите, милостивый государь, уверение
в совершенном моем почтении
Наталья Дубельт

Женева 1868 года
9/21 июля.

РГИА. Ф. 797. Оп. 38. Д. 123. II отд. Л. 1.

О ходатайстве Натальи Александровны вступить в брак с принцем Нассауским Святейший Синод известил Александра II:

О браке бывшей в замужестве за генерал-майором Дубельтом
Натальи Пушкиной за герцогом Нассауским

Бывшая в замужестве за отставным генерал-майором Дубельтом Наталья Александрова, урожденная Пушкина, православного исповедания, с разрешения Святейшего Синода, разведена с своим мужем, с предоставлением ей права вступить в новое супружество. Ныне Наталья Дубельт обратилась с ходатайством о дозволении ей вступить в брак с Его Высочеством Принцем Николаем Нассауским, реформатского вероисповедания, без обязательства крестить и воспитывать детей от этого брака в Православии, по тому уважению, что этого требует Герцогская фамилия Нассаусских Принцев. О сем ходатайстве имею счастье всеподданнейше представить на благоусмотрение ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА.

Подп. За отсутствием обер-прокурора Святейшего Синода
Исправляющий должность товарища его Юрий Толстой

На подлинной рукою г. Синодального обер-прокурора помечено: «собственно ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА рукою написано карандашом “Согласен”».

В Киссингене
2 августа 1868 года
Граф Д. Толстой

РГИА. Ф. 797. Оп. 38. Д. 123. II отд. Л. 3 и об.

Как видим, и император, и высокопоставленные сановники – светские и духовные – делали вид, что не знают о том, что дочь Пушкина уже более года находится второй раз замужем.

О полученном согласии императора обер-прокурор Синода сообщил Наталии Александровне:

ОБЕР-ПРОКУРОР
СВЯТЕЙШЕГО СИНОДА

2 канцелярия
№ 3716
10 Августа 1868 г

Милостивая государыня
Наталья Александровна.

По всеподданнейшему докладу Вашего превосходительства, изложенного в письме от 9/21 минувшего июля, Государь Император высочайше соизволил разрешить Вам

вступить в брак с Его Высочеством Принцем Нассауским Николаем без обязательства крестить и воспитывать детей от сего брака в православии. Сообщив Высокопреосвященному Митрополиту С. Петербургскому о таком ВЫСОЧАЙШЕМ соизволении для зависящего распоряжения к повенчанию брака причтом нашим в Женеве, долгом поставляю уведомить Вас, милостивая государыня, о вышеизложенном.

Примите уверение в совершенном моем почтении.
Граф Дмитрий Толстой

РГИА. Ф. 797. Оп. 38. Д. 123. II отд. Л. 6 и об.

Того же 10 августа обер-прокурор Синода граф Толстой известил митрополита С.-Петербургского Исидора о высочайшем соизволении. Был также подготовлен указ С.-Петербургской духовной консистории о браковенчании в православной церкви в Женеве. Приводим ответ митрополита:

Его сиятельству господину Обер-Прокурору Св. Синода графу Д.А. Толстому
Ваше сиятельство, милостивый государь!

Вследствие отношения Вашего сиятельства от 10 сего августа за №3117, честь имею препроводить при сем к Вашему сиятельству заготовленный С. Петербургскою Духовною Консисториею указ причту православной церкви в Женеве, о последовавшем Высочайшем соизволении вступить в новый брак бывшей до сего в замужестве за отставным генерал-майором Дубельтом Наталье Александровой, урожденной Пушкиной, православного вероисповедания, с разрешения Святейшего Синода, разведенной с своим мужем – с Его Высочеством Принцем Николаем Нассауским реформатского исповедания без обязательства крестить и воспитывать детей от этого брака в православии.

С отличным почтением и совершенною преданностию имею честь быть
Вашего сиятельства
Милостивого государя
покорнейшим слугою
Исидор М[итрополит] Новгородский и С. Петербургский

РГИА. Ф. 797. Оп. 38. Д. 123. II отд. Л. 8 и об.

19 августа управляющий министерством иностранных дел получил этот указ для доставления причту указанной церкви. Однако самый указ в деле отсутствует. Браковенчание уже состоялось – более года назад в Лондоне.

В последующих документах дела «О браке Натальи Пушкиной с герцогом Николаем Нассауским...» о венчании не говорится – в них, датированных месяцем спустя, речь идет о другом.

В 1864 г., уезжая за границу, Наталия Александровна оставила детей на попечение отчима П.П. Ланского. Ныне, получив развод, она обратилась к Александру II с ходатайством взять к себе дочерей Наталию и Анну.

Вероятно, император колебался, кому из супругов следует отдать предпочтение. По его поручению управляющий Третьим отделением Н.В. Мезенцев 22 сентября 1868 г. обратился к обер-прокурору Святейшего синода:

Господину исправляющему должность Обер-Прокурора Святейшего Синода
Находящаяся за границею бывшая жена отставного генерал-майора Михаила Дубельта обратилась к Государю Императору со всеподданнейшею просьбою о разрешении ей взять к себе двух дочерей ея, прижитых ею в браке с Дубельтом и воспитывавшихся

ныне в России, так как девочкам этим, по объяснению просительницы, нужен лучший климат и оне нуждаются в материнском ея о них попечении.

Для правильного разрешения изъясненного ходатайства имею честь по высочайшему Его Величества повелению, покорнейше просить Ваше превосходительство почтить меня уведомлением, кому из супругов Дубельт, по производившемуся бракоразводному их делу, представлены родительские права на детей их.

За отсутствующего Главного начальника Отделения
Свиты Его Величества
генерал-майор Мезенцев

РГИА. Ф. 797. Оп. 38. Д. 123. П отд. Л. 10 и об.

Копия этого письма находится в ином деле – «По прошению... Натальи Дубельт о выдаче ей с детьми вида на отдельное жительство от мужа» в другом архиве в фонде Третьего отделения¹.

Там же находится справка от 19 сентября: «Г-жа Дубельт обратилась к Государю Императору с всеподданнейшею просьбою о разрешении ей взять к себе двух дочерей ее, воспитывающихся в России, коим нужен лучший климат и которые требуют материнского о себе попечения»².

Хотя Наталия Александровна уже более года была супругой принца Нассауского, а 4 мая ее брак с Михаилом Дубельтом был расторгнут, тем не менее обращение к императору в сентябре она подписала прежней фамилией, Дубельт.

28 сентября исправляющий должность товарища обер-прокурора Синода Ю.В. Толстой ответил на письмо Н.В. Мезенцева:

[...] при решении дела о расторжении брака супругов Дубельт С. Петербургское Епархиальное Начальство, а затем и Святейший Синод не касались определения прав их на рожденных от брака их детей, а постановили только определение о расторжении сего брака с предоставлением г-же Дубельт вступить в новый брак с беспрепятственным лицом и с осуждением генерал-майора Дубельта на всегдашнее безбрачие за нарушение им таинства брака прелюбодеянием.

Сообщая о сем Вашему превосходительству, долгом поставляю присовокупить, что после того, как состоялось определение Святейшего Синода, г-жа Дубельт входила с прошением о разрешении ей вступить в брак с Принцем Нассауским без обязательства крестить и воспитывать детей от этого брака в православии и что на сие ея прошение воспоследовало Высочайшее соизволение. Обстоятельство это едва ли не подает повода к сомнению в возможности г-жи Дубельт воспитывать в православии и тех дочерей ее от прежнего ее брака, об отдаче коих на ее попечение она ныне ходатайствует

За отсутствием Обер-Прокурора Святейшего Синода
Испр[авляющий] должность товарища его
Юрий Толстой.

ГАРФ. Ф. 109. 2 эксп. Оп. 94. Д. 310. Л. 32 об.–33.

В результате подобного ответа последовало решение императора, о чем свидетельствует помета на письме Ю.В. Толстого: «Высочайше повелено ходатайство г-жи Дубельт оставить без последствий. 1 окт.»

В светском обществе XIX в. адюльтер почитался нередким явлением. Однако дела о бракоразводных процессах с публичным признанием супружеской неверности, служившей основанием развода, были гораздо реже.

¹ ГАРФ. Ф. 109. 2 эксп. Оп. 94. Д. 310. Л. 31.

² Там же. Л. 30.

Приговор, обрекающий Дубельта на вечное безбрачие, был спокойно воспринят им. Однако Михаила Леонтьевича по-прежнему волновал вопрос о возвращении ему детей. Об этом свидетельствует его письмо Александру II от 11 июня 1868 г.:

Ваше Императорское Величество!

В 1863 году Вам благоугодно было повелеть, дабы бывшей жене моей Наталье Александровне с детьми был выдан вечный пашпорт на отдельное от меня жительство. Пока дети мои находились при матери, повеление это должно было соблюдаться. Но с тех пор Наталья Александровна, оставив всех троих детей на руках родственников в России, сама уехала за границу и там вышедши замуж за иностранца, совершенно отчуждила себя от Отечества. Узаконив положение Натальи Александровны содействием моим бракоразводному делу, теперь оконченному, я тем самым, не без великодушия, упрочил положение ее в чужой среде. Вас же, Государь, умоляю, возвратите мне права мои над моими родными детьми.

Вот уже пять лет, как я детей моих совсем не вижу и что мне не позволяют принимать ни малейшего участия в их воспитании и благосостоянии. Очевидно, что если Ваше Императорское Величество нашли нужным лишить меня прав над моими детьми, Вы сделали это в пользу их матери, но не в пользу лиц посторонних, коим она передала их. Прикажите же, Государь, чтобы повеление 1863 года было уничтожено, чтобы через то мое положение как гражданина, не бывши больше положением исключительным, совпало в среду общую.

Верьте мне, что я человек, слишком преисполненный правил чести, дабы предпринять что-либо, могущее детям моим повредить. Годы идут, то дозвольте мне выйти из условий обидных и, смею сказать, незаслуженных, и не допустите, чтобы я окончил жизнь мою без семейства и без утешения, после всех перенесенных мною несчастий и огорчений.

В ожидании великих милостей,
Вашего Императорского Величества,
остаюсь навсегда
неизменно верноподданный
Михаил Дубельт.

11 Июня 1868
Демидов переулочек
дом № 9.

ГАРФ. Ф. 109. 2 эксп. Оп. 94. Д. 310. Л. 20–21.

21 июня по приказу Мезенцева к Михаилу Леонтьевичу приезжал некий поручик Попов, чтобы передать Дубельту приглашение к управляющему Третьим отделением, но не застал его, о чем доложил начальству: «Проживающий в Демидовом переулочке, дом № 9, квартиры № 7 у кухмистерши Лаврентьевой отставной генерал-майор Михаил Леонтьевич Дубельт уехал на дачу и возвратится сюда во вторник на будущей неделе. Куда же именно и к кому отправился генерал-майор Дубельт, Лаврентьевой не известно»¹.

Указание адреса, по которому проживал Михаил Леонтьевич в Петербурге, дает понятие о его имущественном положении.

Как известно, бывшая жена Дубельта, обретшая во втором замужестве графский титул, жила вместе с супругом-принцем в аристократическом Висбадене в роскошном дворце. Между тем Михаил Леонтьевич Дубельт – генерал, сын савонника, чья фамилия совсем недавно была известна в России каждому, – обитал отнюдь не в престижном районе Петербурга и занимал даже не квартиру, как

¹ ГАРФ. Ф. 109. 2 эксп. Оп. 94. Д. 310. Л. 23.

обязывало его положение, а лишь комнату, снимаемую «от жильцов», – «у кухми-стерши». Можно представить, что туда долетали запахи кухни. Невольно вспоминается повесть Ф.М. Достоевского «Бедные люди», герой которой Макар Девушкин ютился в каморке рядом с кухней и также чувствовал кухонные «ароматы».

На рапорте поручика Попова, извещающего, что Дубельт «уехал на дачу и возвратится сюда во вторник на будущей неделе», стоит помета управляющего Третьим отделением Н.В. Мезенцева: «Пригласить ген. майора Дубельта во вторник ко мне. 21 июня».

Другая помета, сделанная Мезенцевым на письме Дубельта от 11 июня, лаконична: «переговорить». Вероятно, при встрече Михаила Леонтьевича с управляющим Третьим отделением осуществилось намерение обсудить волнующий его вопрос о судьбе детей. Об этом говорится в новом письме к Мезенцеву, написанном 11 июля: «Все, тогда мне Вами переданное по повелению Его Величества, не позволяет мне сомневаться в успехе. По достижении же мною цели я правами моими воспользуюсь только относительно моей старшей дочери, находящейся у генерал-адъютанта Ланского. – Двоих же моих младших детей, теперь воспитывающихся у брата моего Николая Леонтьевича, я буду просить оставить у себя, ибо детям моим у него отлично»¹.

На письме помета «Доложено» – о содержании письма Дубельта императору.

Опальный генерал не терял надежды, что до отъезда Александра II за границу волновавший его вопрос, о котором он столько раз писал императору, будет окончательно решен и последует высочайшее повеление о восстановлении прав Дубельта над детьми. Однако ожидания не оправдались. Император, видимо, остался удовлетворен текущим положением дел – оставить двух младших детей у брата Михаила Леонтьевича Николая Дубельта, а старшую дочь у отчима Натальи Александровны П.П. Ланского: Александр II не хотел обидеть почтенного генерал-адъютанта и отобрать у него девочку.

Как сообщали газеты, «в воскресенье, 14 июля, в 5 часов пополудни, Его Императорское Величество Государь Император изволил отправиться из г. Царского Села в заграничное путешествие».

20 июля обескураженный Михаил Леонтьевич написал управляющему Третьим отделением Н.В. Мезенцеву пространное послание:

Письмом от 18 июля Вы уведомляете меня, что на немедленное определение дочери моей в Институт Его Императорское Величество не соизволили [согласиться?], и что она будет вероятно определена к сентябрю месяцу. Про восстановление же прав моих над моими детьми, о чем я просил Государя Императора письмом от 11 июня, Вы не упоминаете. <...> подобный исход моего семейного дела далеко не соответствует милостивым надеждам, Вами мне поданным при личном моем с Вами свидании утром 25 июня. Тогда Вы именно сказали мне, что Государь Император, получив мое письмо, одобряет его содержание и находит, что после всего случившегося права мои над детьми должны быть восстановлены. При втором же моем с Вами свидании Вы выразились, что я надежды на благополучный для меня исход моего дела терять не должен потому, что Его Величество благоволит ко мне. Позвольте же мне теперь убедительно просить Вас разъяснить мне причины столь непонятного для меня противоречия, между воззрениями Его Величества на мое дело в начале оно и последовавшим по нем, окончившимся Высочайшим Повелением. Согласитесь, что в настоящую минуту в судьбе моей относительно детей не произошло ни малейшей перемены, хотя бы и к худшему. Между тем как по словам, Вами мне переданным, по повелению Государя,

¹ ГАРФ. Ф. 109. 2 эксп. Оп. 94. Д. 310. Л. 25 и об.

25 июня, я мог рассчитывать на полное восстановление прав моих. Теперь же, кроме моих чувств как гражданина и отца, я обязан как верноподданный выяснить недоразумение или клевету, быть может, на мой счет доложенную Его Величеству, ибо трудно не видеть причину, для меня неблагоприятную, между началом и концом моего дела. Обращаюсь к благородству, справедливости и великодушию Вашего превосходительства, и прошу вас вникнуть, что если Государь в 1863 году по просьбе Натальи Александровны счел нужным лишить меня прав моих над моими детьми, то Он сделал это в пользу их матери, но не в пользу генерала Ланского, для моей дочери совершенно постороннего. Что если дочь моя не при Наталье Александровне, то почему именно не быть ей при мне, ее отце. Если для этого, в глазах Его Величества, причина существует, она, конечно, для меня крайне невыгодна. Сообщите же ее мне, дабы я мог ее опровергнуть, и восстановить справедливое обо мне мнение Его Величества. Или по меньшей мере о причине этой прикажите сделать самое строгое, самое беспристрастное дознание, и если дознание это, как я уверен, окажется для меня благоприятным, доложите о том Государю, и тем самым сымете с меня незаслуженное пятно. Мнение Государя так для меня важно, что я прошу Вас, если иначе добиться правды невозможно, испросить у Его Величества, предания меня суду по взведенному на меня в глазах Его обвинению, по коему Он счел нужным изменить благосклонное воззрение на меня и на мое дело, переданное мне Вашим превосходительством при свидании 25 июня.

ГАРФ. Ф. 109. 2 эксп. Оп. 94. Д. 310. Л. 28–29.

Однако просьба Михаила Леонтьевича осталась без ответа. По-прежнему он пребывал в двусмысленном положении.

20 мая 1868 г. у супругов Николая Нассауского и Натальи Меренберг родилась дочь София. А 18 мая в Петербурге Святейший синод вынес постановление о расторжении ее брака с Михаилом Дубельтом. Если учесть разницу в двенадцать дней, поскольку рождение дочери, произошедшее в Германии, явно отмечено по новому стилю, а расторжение брака в России – по старому, то, следовательно, дочь от второго брака была рождена, когда ее мать еще считалась и женой Михаила Дубельта.

Последнее письмо, завершающее дело «По прошению жены отставного генерал-майора Дубельта о выдаче ей с детьми вида на отдельное жительство от мужа», обращено к управляющему Третьим отделением Н.В. Мезенцеву:

Милостивый государь Николай Владимирович.

Брат мой Николай Леонтьевич, уезжая за границу, в положении чрезвычайно болезненном, не озаботился оставить для Пажеского Корпуса распоряжение, к кому именно отпускать по праздникам сына моего Леонтия. Вследствие этого и по принятому в Корпусе порядку сын мой со двора не сходит, а находится будто бы под наказанием. Убедительно прошу Вас, исходатайствуйте для меня распоряжение брать ко мне по праздникам моего сына. Верьте мне, и если Вам угодно, то удостоверьтесь в том, что я веду образ жизни вполне безукоризненный и скромный и живу в двух отдельных комнатах. Я не могу предвидеть причины, могущей служить основанием отказа для меня брать к себе по праздникам моего родного сына, когда право это беспрепятственно предоставляется весьма (?) посторонним относительно воспитанников военно-учебных заведений. Как всегда рассчитываю на справедливое и радушное содействие Вашего превосходительства.

Покорнейший слуга Ваш
М. Дубельт.

17 дек. 1868
Большая Конюшенная, № 12.

На письме две пометы, сделанные, видимо, Мезенцевым: «Пригласить ген. Дубельта ко мне в понедельник в 11 часов утра. 20 дек.» и «Объявлено словесно. 24 дек.»¹.

Письмо это интересно по двум причинам: в нем говорится о скромном образе жизни, который по-прежнему вел Михаил Леонтьевич, упоминая о «двух отдельных комнатах в очень приличном доме», и выражается забота о тринадцатилетнем сыне. По-видимому, накануне Рождества он все же получил разрешение взять сына на праздники к себе.

Печально сложилась судьба Леонтия Михайловича Дубельта, получившего имя в честь деда. Архивные документы (протокол заседания дисциплинарного комитета Пажеского корпуса и скорбный лист², составленный в клинике душевных болезней) позволяют пролить свет на обстоятельства, в каких рос мальчик.

Несчастья Леонтия начались еще до появления на свет. Мать, находясь на седьмом месяце беременности, выпала из экипажа на живот; при рождении мальчика на его голове был след планшетов от корсета. Обстановка, в которой проходило детство Леонтия, осложняли трудные семейные отношения. Восхищение светской жизнью, благосклонное внимание к многочисленным поклонникам, равнодушие к служебным неприятностям мужа, возникавшие на этой почве ссоры, происходившие на глазах детей, в частности сына Леонтия, – все это не способствовало мирной семейной жизни и не могло не сказаться на формировании его личности. «Отец и мать в разводе. Он свидетель многого, что не должно бы было быть ему известным», – говорится в скорбном листе. На вопрос заседания дисциплинарного комитета «Не привела ли Дубельта в отчаяние мысль, что после удаления из корпуса... его отношения к семье... изменятся к худшему?» дан ответ: «На это можно только ответить, что, насколько известно, отношения его к родителям не могли уже ухудшиться, связь с семьею не могла сделаться слабее; каковы были эти отношения, к сожалению, лучше всех понимал сам Дубельт [Леонтий. – А.К.]»³.

Зачисленный кандидатом в Пажеский корпус в 1862 г., Леонтий учился там с 1867 по 1874 г. Усердием во время учебы не отличался, дважды оставался на второй год. Из оценок за годовой экзамен мы узнаем, что наивысшие оценки 12 (при двенадцатибалльной системе) он получил за черчение фортификации и французский язык (последний предмет он знал в совершенстве, видимо, благодаря тетке Александре Ивановне (урожденной Базилевской) – жене старшего брата отца, Николая Леонтьевича Дубельта, в семье которого он воспитывался. По теории русского языка и по русскому языку письменному он имел 8.

Когда Леонтию Дубельту исполнилось восемнадцать, у него впервые начались приступы эпилепсии, продолжавшиеся всю дальнейшую жизнь; тогда же он пытался покончить с собой.

О попытке его самоубийства рассказывается в воспоминаниях Елизаветы Николаевны Бибиковой – дочери Елизаветы Петровны Бибиковой, урожденной Ланской, в первом браке Араповой, – племянницы Наталии Александровны. Однако изложенные ею факты далеки от истины:

¹ ГАРФ. Ф. 109. 2 эксп. Оп. 94. Д. 310. Л. 34 и об.

² История болезни (устаревший медицинский термин).

³ Судьба внука А.С. Пушкина – Л.М. Дубельта / Публ. Н.Н. Шабановой // Военно-исторический журнал. 2004. № 11. С. 49.

«Забыв о своих первых детях... она (Наталья Александровна) их оставила Ланскому. Старшего, Леонтия, отдали в Пажеский корпус, и там с ним случилось происшествие, которое испортило всю его жизнь.

Учился он отлично и имел редкий каллиграфический почерк. Однажды он подал какую-то письменную работу, над которой долго трудился; его товарищ, завистливый, попросил показать ему чертежи и нечаянно или нарочно залил его работу чернилами. Леня имел необузданный характер матери и деда и, недолго думая, всадил перочинный нож в бок товарищу¹. Тот поднял крик, началась суматоха, раненого отвезли в лазарет, а на Дубельта никто не обратил внимания. Тот, вообразив, что его расстреляют, вернулся домой, вошел в пустой кабинет деда П.П. Ланского, взял револьвер и выстрелил себе в грудь... Ему было 12 лет². Его вылечили, но пули извлечь не могли и вследствие этого ранения с ним сделалась пагубная болезнь – эпилепсия. Из Пажеского корпуса его уволили, и дед его устроил в морской корпус, который он окончил с отличием»³.

Хотя в 2004 г. в «Военно-историческом журнале» была помещена обстоятельная публикация сотрудника Российского государственного военно-исторического архива Н.Н. Шабановой «Судьба внука А.С. Пушкина – Л.М. Дубельта», основанная на архивных материалах, тем не менее ошибочные сведения о попытке самоубийства Л.М. Дубельта не только не были уточнены, но и получили распространение в Интернете.

Факты, почерпнутые из публикации Н.Н. Шабановой и дополненные при изучении материалов РГВИА автором этой работы, позволяют восстановить подлинную картину попытки самоубийства внука Пушкина. Это событие в Пажеском корпусе действительно имело место, но произошло оно, когда Леонтию Дубельту было не двенадцать, а восемнадцать лет, следовательно, он был совершеннолетним, отвечающим за свои поступки человеком.

Обратимся к рапорту ротного офицера штабс-капитана Н.А. Хрусталева, написанному 18 мая 1875 г.:

12 сего мая часу в 9 утра пажи младшего спец. класса Дубельт и Сумбатов, сидя в классе, поссорились между собой. Причиной ссоры был отказ Сумбатова дать Дубельту [списать?] фортификационные задачи. Началась обоюдная перебранка, последствием которой было то, что Сумбатов, выведенный из терпения, ударил Дубельта два или три раза по шее. Дубельт продолжал ругаться; тогда Сумбатов снова встал и подошел к Дубельту с намерением его ударить, но Дубельт схватил со стола чертежный треугольник и ударил им Сумбатова так сильно по голове, что сделал ему рану с левой стороны лба повыше виска. Сумбатов тотчас же отправлен был в лазарет, а Дубельт получил от дежурного офицера подпоручика Данилевского приказание идти с ротою в церковь. Здесь, сознавая, что единственное взыскание, которого он может ожидать за его поступок с Сумбатовым в связи со многими предыдущими проступками – это исключение из корпуса, он ужаснулся; мысль быть исключенным до такой степени пугала его, что он предпочел лучше покончить самоубийством.

РГВИА. Ф. 318. Оп. 1. Д. 2102. Л. 18.

Невольно удивляет поведение Леонтия Дубельта. В восемнадцать лет он вел себя как мальчишка: вместо вызова к барьеру, как поступил бы в этом возрасте

¹ Из записки в скорбном листе явствует, что рассказанный в воспоминаниях Е.Н. Бибиковой случай действительно имел место: «...в мае 1873 года ударил товарища ножом». Однако это произошло годом ранее попытки самоубийства.

² Точный возраст Л.М. Дубельта в момент попытки самоубийства – 18 лет 8 месяцев.

³ Бибикова Е.Н. Мои воспоминания о Пушкине и его потомках // Земство. Пенза. 1995. № 1(5).

А.С. Пушкин, он, получив несколько ударов «по шее», ударил обидчика чертежным треугольником по голове. Однако дальнейшая биография Леонтия Михайловича свидетельствует о том, что ему пришлось драться на дуэли (правда, это произошло позднее, в ноябре 1881 г.).

Юноша попытался попрощаться с кем-нибудь из знакомых пажей, но те, не желая понять его переживания, вдуматься, что означало «Прощай», с которым он обращался к ним, только отмахивались от него.

Покинув корпус, он приобрел в оружейном магазине карманный револьвер системы Лефоше¹ калибром 7 миллиметров (на револьвер большого калибра у него не хватило денег) и снял номер в гостинице Вольфа на Невском проспекте. Вряд ли он знал, что за тридцать семь лет до этого его дед, А.С. Пушкин, перед роковой дуэлью ожидал здесь своего секунданта К.К. Данзаса. Запершись в номере и расстегнув мундир и рубашку, он прицелился и выстрелил в левую часть груди, – как ему казалось, прямо в сердце. Не почувствовав ожидаемого результата, он выстрелил два раза в сторону и затем вновь в середину груди.

О дальнейших событиях говорят документы архивного дела:

Военного и Полицейского телеграфов в С. Петербурге
Экстренно
В Пажеский корпус

В кафе Вольф паж Леонтий Дубельт выстрелил в себя из револьвера два раза.
Подано на т. Адмирал. 12 мая 1874 г. 11 ч. 55 м. Получено 11 ч. 57 м.

1874 года мая 12 дня в 11 часов утра полицею 1 участка Адмиралтейской части составлен настоящий протокол по следующему случаю. Из ресторана Вольфа дано [было] знать, что зашедший туда воспитанник Пажеского корпуса Леонтий Дубельт застрелился, вследствие чего я, нижеподписавшийся, прибыв на место, нашел, что в одной из комнат на диване сидел полураздетый, в одной рубаше Дубельт, с окровавленной рубашкой, объяснил, что он имел намерение застрелиться, сделал два выстрела, но не застрелился, причины, побудившей его на самоубийство, не объяснил, просил отправить его обратно в корпус. Швейцар ресторана, крестьянин Курляндской губернии Иван Зирле, объяснил, что Дубельт, зайдя в ресторан, и когда он, Зирле, раздел его, т. е. снял с него пальто, то он потребовал чаю, после того через минут 20 Дубельт вышел в коридор окровавленный и кричал, чтобы его отвезли в Пажеский корпус и объявил, что он хотел застрелиться, но после двух выстрелов остался жив; вслед за тем вышли швейцарский гражданин Александр Францович Ромальд, жительствующий в Большой Конюшенной, в д. № 15й в кв. № 18, и швейцарский гражданин Иван Егорович Линд (управляющий рестораном), взяли и отвели обратно в комнату, посадили на диван и отобрали револьвер, затем дали знать в Управление участка и послали за доктором. Пояснения швейцар, Рональд и Линде во всем подтвердили. По осмотре отобранного у Дубельта револьвера таковой оказался малого размера шести выстрелов системы Лефоше, в барабане, где обыкновенно находятся пули, оказалось пять штук гильз без пуль, пули же ни одной не было. Прибывший городской частный врач оказал Дубельту медицинское пособие, но заключения состояния здоровья его дать пока не мог, а нашел, что можно отправить для излечения. Вследствие чего Дубельт вместе с доктором в экипаже отправлен в Пажеский корпус.

РГВИА.Ф. 318. Оп. 1. Д. 2102. Л. 28 и об.

¹ О револьвере системы Лефоше упоминается в юмористическом рассказе А.П. Чехова «Мститель», написанном в 1887 г.: «Застрелиться или убить жену из Лефоше считается теперь знаком дурного тона». Герой рассказа отказывается от намерения застрелить неверную жену и ее любовника и решает начать бракоразводный процесс. Подобный финал свидетельствует о том, что к моменту написания чеховского рассказа расторжение брака в России становится менее редким явлением.

Директору Пажеского Е.И.В. Корпуса
Старшего врача Юргенсона

Сего числа в 12м часу дня привезен был доктором Русселем и полицейским офицером в Корпусной лазарет младшего специального класса паж Дубельт, нанесший себе в гостинице Вольфа револьвером две огнестрельные раны в грудь. Одна из них находится посреди грудной кости против прикреплению 4 ребра и в ней прощупывается возвышение по-видимому крепко засевшей в кости пули; другая рана в левой стороне груди, соответствующая промежутку между 6 и 7м ребром на 1/2 дюйма.

Как видно из начинающегося в окружности раны воспаления легкого и до сих пор продолжающегося кровохаркания, вторая пуля пробила ткань левого легкого и осталась в грудной полости. Больной жалуется на боль в груди и в подвздошной стороне живота, пульс слаб и замедлен. Призванный еще на помощь профессор Склифосовский¹ извлек у больного под действием хлороформа пулю, при сем препровождаемую, из раны под грудною костью лежащую, другую пришлось оставить в грудной полости.

Состояние больного, конечно, в высшей степени опасно для жизни, хотя и были примеры выздоровления в подобных случаях.

Подлинный подписал
старший Врач Статский Советник Доктор Медицины Юргенсон.

РГВИА. Ф. 312. Оп. 1. Д. 2102. Л. 29–33.

О состоянии здоровья юноши Юргенсон ежедневно с 20 по 26 мая отправлял сообщения в Главное управление военно-учебных заведений.

26 мая дело Леонтия Дубельта было рассмотрено на заседании дисциплинарного комитета Пажеского корпуса. Членов комитета интересовал вопрос: «Могла ли мысль об исключении из корпуса заставить такого юношу, как Дубельт, решиться на самоубийство при предположении, что паж этот находится в здравом уме?» Они пришли к заключению: «Дубельт – вообще юноша неглупый; всегда учитывал свои права, всегда умел блюсти свои выгоды. Зная свои права пажа-кандидата, оканчивая хорошо экзамен, зная, что может быть офицером даже по удалении из корпуса чрез каких-нибудь два или три месяца, едва ли он представлял положение свое настолько отчаянным, что только вследствие одной мысли об этом положении мог решиться на самоубийство. Можно сказать довольно утвердительно, что молодой человек такого склада, как Дубельт, находясь в здравом уме, не мог прийти в такое ненормальное состояние, чтобы решиться на преступление даже и при мысли об исключении из корпуса».

По решению дисциплинарного комитета Пажеского корпуса 6 июня младший врач Н.У. Зенкевич и адъютант корпуса М.А. Энден с согласия отца доставили Леонтия Дубельта в клинику душевных болезней Главного клинического корпуса с диагнозом «сильное расстройство нервной системы». «Повод: аномальные черты характера, ряд проступков и покушение на самоубийство» – записано в скорбном листе.

Министерство
Военное
Главное управление
Военно-учебных заведений
14 Августа 1874 года

Директору Пажеского
Его Императорского
Величества Корпуса

Высочайше повелено воспитанника вверенного Вашему Превосходительству Корпуса Пажа Леонтия Дубельта уволить по болезни из означенного заведения с оставлением

¹ Н.В. Склифосовский (1836–1904), знаменитый хирург, профессор Медико-хирургической академии.

в звании Пажа Высочайшего Двора и с предоставлением всех прав, присвоенных Пажам, находящимся на воспитании у родственников.

О таком Высочайшем повелении сообщенном вместе с сим отцу упомянутого воспитанника будет объявлено в приказах по военно-учебным заведениям.

Помощник Главного Начальника
Военно-учебных заведений
Генерал-Лейтенант

(подпись)

Генерал-Майор
Начальник Отделения

(подпись)

РГВИА. Ф. 312. Оп. 1. Д. 2102. Л. 114.

Министерство
Военное
С.-Петербургский
клинический
военный госпиталь
Августа 23 дня 1874 года

В Пажеский Е.И.В. Корпус

Находившийся в сем Госпитале в Клинике Душевных болезней для пользования Паж одного корпуса Дубельт 22 Августа из Клиники выписан и отдан на попечение его отца.

Смотритель Госпиталя Майор

(подпись)

РГВИА. Ф. 312. Оп. 1. Д. 2102. Л. 115.

Поскольку для карьеры в гвардии путь был закрыт, Леонтий Дубельт перешел во флот. Однако, вопреки утверждению Е.Н. Бибиковой, он не учился в Морском корпусе, который будто бы окончил с отличием, а начал морскую службу в 1875 г. юнкером в восьмом флотском экипаже Балтийского флота. Год спустя он сделался гардемаринном, еще через год получил первый офицерский чин – мичмана. Поскольку из-за попытки самоубийства молодой человек не смог окончить Пажеский корпус и стать офицером, то соответствующие экзамены он сдал только через два года службы на флоте. Также отсутствуют сведения о его учебе на минных курсах в Кронштадте.

Л.М. Дубельт служил на Балтийском флоте, в Архангельской и Сибирской флотилиях на различных судах; в послужном списке перечислены: винтовая лодка «Хват», пароход «Великий князь Владимир», фрегат «Петропавловск», корвет «Варяг», фрегаты «Генерал-адмирал» и «Севастополь», пароход «Ладога», винтовая шхуна «Бакан», клипер «Абрек». Невольно удивляет большое число судов, которые пришлось переменить ему за время службы. Думается, это можно объяснить тем, что внук Пушкина был вспыльчивым и горячим по натуре. Скандальные происшествия словно преследовали его. Об этом говорят скудные записи в послужном списке. Так, за «самоуправство и нарушение порядка и благочиния в публичном доме» он провел пять суток под арестом в каюте, к которой был приставлен часовой. За нарушение правил дисциплины получил строгий выговор. На следующий год провел две недели на гауптвахте. Затем снова пробыл две недели под арестом за «оскорбление действием» итальянского подданного Агрести.

Помимо этого Леонтий Дубельт участвовал в дуэли. В конце 1881 г. он, будучи мичманом, имел столкновение в Петербурге в увеселительном заведении, театре «Буфф», с незнакомым молодым человеком. Им оказался юнкер Николаевского

кавалерийского училища барон Г.Э.-И. Бер, переодетый в статское, поскольку не имел права посещать театр. «Он был сильно пьян, и дело кончилось скандалом. Начальство училища, чтобы смыть с себя пятно, исключило его задним числом в ту же ночь, и когда его утром привезли из Комендантского управления, объявило, что он уже не был юнкером, когда совершился факт в театре. В 24 часа он был выслан из Петербурга», – как сказано в письме Л.М. Дубельта, адресованного управляющему морским министерством И.А. Шестакову¹.

Как единственный выход из создавшейся ситуации Дубельту предстояла дуэль, о чем объявил ему управляющий морским министерством контр-адмирал А.А. Пещуров. Молодому мичману сочувствовали многие: и сам Пещуров (который был родным сыном знакомого А.С. Пушкина, являвшегося в 1820-е гг. опочечким уездным предводителем дворянства, благожелательно относившимся к опальному поэту), и санкт-петербургский обер-полицмейстер А.А. Козлов, вручивший ему адрес находившегося в Москве барона Бера, и экипаж-капитан первого ранга К.Г. Скрыплев, считавший, что «честь обязывает ехать», и содействовавший освобождению Дубельта из-под ареста, под который тот был заключен. Поединок состоялся в Москве.

Материалов об исходе дуэли найти не удалось, но, по всей видимости, она завершилась гибелью противника Дубельта

15 января 1882 г. дело о дуэли рассматривалось общим собранием суда флагманов и капитанов, на котором Дубельт большинством голосов (57 голосов против 18) был оправдан. По совету контр-адмирала Пещурова он взял одиннадцатимесячный отпуск и уехал за границу, чтобы дело о дуэли забылось. 1 января Дубельт не был произведен в очередной чин лейтенанта, поскольку находился под судом. Пещуров обещал ему повышение, если решение суда флагманов будет в его пользу. Однако это решение состоялось уже тогда, когда сам Пещуров оставил министерство и был назначен «главным начальником флота и портов Черного и Каспийского морей» (главнокомандующим Черноморским флотом). Сменивший Пещурова И.А. Шестаков, ничего об этом не знавший, перевел Дубельта в Архангельск, где тот прослужил два года без повышения в чине.

В 1884 г. Леонтий Михайлович был переведен в Сибирскую флотилию и назначен вахтенным начальником на клипер «Абрек». В ноябре того же года комиссия Владивостокского морского госпиталя освидетельствовала его здоровье и установила, что за семь месяцев у него было четыре приступа падучей как на улице, так и при исполнении служебных обязанностей на судне и по экипажу, и пришла к выводу, что он «страдает дознанной и, видимо, не уступающей лечению падучей болезнью, вследствие чего не может нести служебные обязанности»².

В мае 1886 г. командир Сибирского флотского экипажа капитан первого ранга В. Палеолог так характеризовал Л.М. Дубельта: «Молодой человек с хорошим образованием, а потому мог бы быть весьма полезным морским офицером, но болезненное состояние, действуя на его умственные и душевные способности, в неблагоприятном виде решает судьбу Дубельта. Если болезнь его излечима, то будет годен для службы. Если нет, то, кроме вреда себе и службе, он ничего создать не может. Поведения прекрасного. Понятия о чести оригинальные; раздражителен до забвения – словом, вполне больной человек, возбуждающий сочувствие и полное снисхождение в своих поступках»³.

¹ РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 4. Д. 2938. Л. 42.

² Сульба внука А.С. Пушкина – Л.М. Дубельта. С. 61.

³ Там же.

В октябре 1887 г. Леонтию Михайловичу предложили представить свидетельство о болезни и просить об отставке для назначения пенсии; он счел подобное предложение оскорбительным. «Будучи страшно поражен такого рода предложением и усматривая в службе все свои надежды и мечты, я ответил, что сам ни за что в отставку не подам, а в пенсии не нуждаюсь, меня уволили¹[...], – писал Дубельт полтора года спустя, 22 марта 1889 г., в прошении на имя И.А. Шестакова. – В настоящее время мое материальное положение сильно изменилось, а потому я и решаюсь просить о назначении следуемой мне пенсии, так как там прямо говорится, что увольняемые по болезни пользуются правами увольняемых по предельному возрасту»².

В том же письме Леонтий Михайлович писал: «Дорожа выше всего в мире Царскою службою и тяготясь тою бездеятельностью, которой я нынче обречен, я решаюсь просить Ваше превосходительство о принятии меня на службу в морское министерство. Вполне сознавая, что плавание на судах для меня трудно вследствие (хотя в настоящее время слабых и редких) совершающихся со мною припадков, но обладая во всех других отношениях железным здоровьем, я вполне способен занять какое-нибудь береговое место; готов я поступить на службу куда угодно, на каких угодно условиях, лишь бы только иметь дело; при этом я прибавлю, что владею совершенно свободно иностранными языками»³.

Однако в принятии на службу в военно-морское ведомство ему было отказано.

Дважды (в январе и феврале) 1890 г. Леонтий Михайлович в прошениях на имя военно-морского министра вице-адмирала И.А. Шестакова⁴ напоминал, что в результате пребывания под судом из-за дуэли очередной чин лейтенанта был присвоен ему с трехлетним опозданием и срок старшинства за это время утрачен, в то время как при переходе на статскую службу эти три года имеют для него громадное значение. Поскольку его просьбы остались без последствий, 24 апреля того же года он обратился с прошением на высочайшее имя. Наконец 14 января 1891 г. был отдан долгожданный приказ по морскому ведомству: «Уволенному со службы с награждением чином капитана 2 ранга Дубельту отдается старшинство в чине лейтенанта с 1 января 1882 года»⁵.

24 ноября 1894 г. сын Михаила Леонтьевича и Наталии Александровны Леонтий Дубельт умер, не дожив двух недель до 39 лет. Он был похоронен на Смоленском православном кладбище Петербурга, где погребены и другие обладатели фамилии Дубельт, в том числе дед и бабка. Отец уступил сыну свое место в семейном захоронении и сам погребен на другом кладбище рядом со свойственниками – Базилевскими и Кондыревыми. На могильной плите после дат рождения и кончины было выбито

ВНУК ПОЭТА А.С. ПУШКИНА

ЛИТЕРАТУРА

Хозяева и гости усадьбы Вяземы. К 200-летию со дня рождения А.С. Пушкина, 10-летию создания Государственного историко-литературного музея-заповедника А.С. Пушкина

¹ В чине капитана второго ранга без пенсии. – *А.К.*

² РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 4. Д. 2938. Л. 33.

³ Там же.

⁴ РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 4. Д. 2938. Л. 39–43.

⁵ РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 4. Д. 2938. Л. 60 и об.; см. также: Сульба внука А.С. Пушкина – Л.М. Дубельта. С. 61.

и 185-летию кончины героя Отечественной войны 1812 года, владельца Вязем князя Б.В. Голицына: Материалы V Голицынских чтений 24–25 января 1998 г. Большие Вяземы, 1998. Большие Вяземы, 1998. 307 с.

Григоровский С. Сборник церковных и гражданских законов о браке и разводе, усыновление, усыновление и внебрачные дети. С дополнениями и разъяснениями по циркулярным и сепаратным указам Святейшего Синода, с отдельной статьей «о родстве и свойстве» и с приложением таблицы графического изображения степеней свойства. 10-е изд. СПб.: Типография Т-ва печатн. и издат. дела «Труд», 1909. XV, 301 с., табл.

Судьба внука А.С. Пушкина – Л.М. Дубельта / Публ. Н.Н. Шабановой // Военно-исторический журнал. 2004. № 10. С. 60–64; № 11. С. 48–50.

Бибикова Е.Н. Мои воспоминания о Пушкине и его потомках // Земство. Пенза. 1995. № 1(5).

REFERENCES

Owners and Guests of the Vyazemy Estate. To the 200th anniversary of the birth of A.S. Pushkin, the 10th anniversary of the creation of the State Historical and Literary Museum-Reserve of A.S. Pushkin and the 185th anniversary of the death of the hero of the Patriotic War of 1812, the owner of Vyazemy, Prince B.V. Golitsyn: Proceedings of the V Golitsyn Readings, January 24–25, 1998. Bolshye Vyazemy. 1998. 307 p.

Grigorovsky S. (1909) Collection of Church and Civil Laws on Marriage and Divorce, Legalization, Adoption and on Illegitimate Children. With additions and clarifications on the circular” and with the attachment of a table of graphic representation of the degrees of kinship. 10th ed. St. Petersburg. Printing House “Trud”. XV, 301 p., tables.

The A.S. Pushkin Grandson’s Fate – L.M. Dubelt / Prep. by N.N. Shabanova. *Voенно-istorichesky Zhurnal*. 2004. No 10, pp. 60–64; No 11, pp. 48–50.

Bibikova E.N. My Memories on Pushkin and His Descendants. *Zemstvo*. Penza. 1995. No 1(5).

Сведения об авторе:

Алексей Вениаминович Корнеев,
историк русской литературы XIX века
член Союза писателей РФ

Aleksey V. Korneev,
The Historian of Russian Literature of the 19th c.
Member of the Union of Writers
of the Russian Federation

korneev-kav@mail.ru